МУРЗИЛКА

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ
июль № 7 1973

ДАВАЙ ПОЛЕТИМ

В. ДАНЬКО

Уносится в небо
Мой шар голубой.
Возьми меня, шар,
Поскорее с собой.
За тоненький хвостик
Тебя я схвачу
И в синее небо
С тобой улечу.
Куда захотим,
Туда полетим —
Над речкой,
Над лугом,
Над лесом густым.

Но шар мой воздушный
Такой непослушный!
Он даже и слушать
Меня не хотел
И в синее небо
Один улетел.

Грача я увидел,
Грачу я кричу:
— Давай я за лапки
Тебя ухвачу
И буду с тобою, как птица,
По синему небу носиться!
Куда захотим,
Туда полетим —
Над речкой,

© «Мурзилка», 1973 г.

Над лугом,
Над лесом густым.
Но грач головою качает
И в небо один улетает.

Я руки раскинул,
По лугу бегу,
Хочу полететь
И никак не могу.
Ведь я же не шар
И не птица.
Никак у меня
Не летится!

Тут грохот ужасный
Раздался вокруг,
Большой вертолёт
Опустился на луг.
Стальными винтами
Он воздух гребёт,
И машет руками
В окошко пилот.
— Скорее! Скорее! —
Пилот мне кричит. —
А то вертолёт
Без тебя улетит!

Скорее садись,
Мы с тобой полетим
Над речкой,
Над лугом,
Над лесом густым.

Рис. Е. МОНИНА

ДВА „ВАРЯГА“

А. ВАСИЛЬЕВ

В дружных семьях, когда народится внук, ему дают имя деда. Дед Василий и внук Василий, к примеру. Так поступают, чтобы отблагодарить старого человека за добро, которое он делал всю долгую жизнь, и чтобы память о нём жила вместе с внуком.

Хороший этот обычай не только к людям применим. Лет десять назад построили рабочие крейсер, спустили его на воду. Все, кто был на торжестве, ахнули: красавец корабль получился! Плавает быстро, с помощью приборов видит и слышит далеко, оружие у него такое, что настигнет врага на воде, под водой, на земле, в небе. Был уже у корабля экипаж — моряки как на подбор. Был у него военно-морской флаг — на белом полотнище красная звезда, красные серп и молот и ещё понизу синяя полоска. Не было только названия.

Назвали корабль «Варягом». В честь и память крейсера «Варяга» — русского героического корабля.

О старом «Варяге», о крейсере-деде, поют песню:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Медаль за бой „Варяга“ и „Корейца“ при Чемульпо.

Песня хорошая. Но не обо всём из неё узнаешь. А было — почти семьдесят лет назад — вот что. Четырнадцать японских кораблей подошли к корейскому порту Чемульпо. И тут только стало известно, что Япония объявила войну России. А в Чемульпо стояли два русских военных корабля: крейсер

Рис. Э. БЕНЬЯМИНСОНА,
Б. КЫШТЫМОВА

«Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Адмирал японцев Уриу предложил русским сдаться. «Дорогой подарок преподнесу я своему императору!» — думал адмирал. Но русские моряки отказались сдаться, они решили выйти из бухты в море и там принять бой.

И командиры кораблей — Всеволод Фёдорович Руднев, Григорий Павлович Беляев, — и все матросы понимали, что идут на гибель. Но никто не дрогнул, не упал духом. В Чемульпо было много кораблей других стран. Их команды криками, взмахами рук провожали отважных на подвиг, а на итальянском корабле оркестр играл русский гимн.

В полдень началось сражение. Почти час «Варяг» и «Кореец» бились с шестью крейсерами и восемью миноносцами японцев. Артиллеристы «Варяга» повредили два крейсера, потопили миноносец. Но у русских вышли из строя все орудия, тридцать четыре человека было убито, сто восемьдесят восемь ранено. Корабль, пробитый снарядами, накренился. Тогда Руднев приказал возвращаться в порт.

В порту на совете офицеров обоих кораблей было решено: «Варяга» затопить, канонерскую лодку взорвать. Они не достанутся врагу. Японский император не получит подарка.

Когда крейсер стал погружаться в воду, матросы плакали. Последним сошёл в шлюпку, поцеловав поручни корабля, его командир.

Вот какую доблесть унаследовали моряки «Варяга»-внука, советского корабля. Ракетный крейсер получил звание гвардейского. На его флаге — лента с чёрными и золотыми полосками. Такие же ленты и на бескозырках моряков.

Гвардейский значок.

В. СУХОМЛИНСКИЙ

Петрик и ваза

Рис. А. СЕМЁНОВА

Маленького Петрика мама оставила дома, а сама отправилась в булочную.

Петрик подошёл к открытому окну.

На окне стояла ваза.

Большая разноцветная бабочка села на край вазы.

Петрику захотелось поймать бабочку.

Он размахнулся... и ударил по вазе.

Ваза упала и разбилась.

Петрик испугался: «Что теперь будет? Что скажет мама?»

Мальчик собрал осколки, отнёс на огород и закопал их в землю маленькой лопаткой. Потом сел около окна и стал ждать маму.

Только мама открыла дверь, Петрик подбежал к ней и сказал:

— Мама, это ведь не я разбил вазу, не я отнёс осколки на огород и закопал их там маленькой лопаткой.

В глазах мамы Петрик почувствовал тревогу.

— Кто же разбил вазу? — спросила мама.

— Бабочка... — тихо ответил Петрик.

Мама усмехнулась.

— Как бабочка разбила вазу — понятно... — сказала она. — Но как она отнесла осколки на огород и там их закопала — этого я понять не могу!

Петрик посмотрел на маму и заплакал.

Перевели с украинского Е. ЕРШОВА, К. ОРЛОВА

Почему плачет синичка?

В доме на краю села жили муж и жена. Было у них двое детей — мальчик Миша и девочка Оля. Мише десять лет, а Оле девять.

Около дома рос тополь.

— Сделаем на тополе качели, — сказал Миша.

— Ой, как хорошо будет качаться! — обрадовалась Оля.

Полез Миша на тополь, привязал к веткам верёвку. Встали на качели Миша и Оля и давай качаться. Качаются дети, а около них синичка летает и поёт, поёт.

— Смотри, Оля, синичка тоже радуется, — говорит Миша.

Глянула Оля на ствол тополя и увидела дупло, а в дупле гнёздышко, а в гнёздышке птенчики маленькие.

— Синичка не радуется, а плачет, — сказала Оля.

— А почему же она плачет? — удивился Миша.

— Подумай почему.

Миша спрыгнул с качелей, посмотрел на синичкино гнёздышко и задумался, почему же она плачет.

Стыдно перед соловушкой

Оля и Лида пошли в лес. После утомительной дороги сели они на траву отдохнуть и пообедать.

Вынули из сумки хлеб, масло, яички. Когда девочки уже закончили обед, недалеко от них запел соловей. Очарованные прекрасной песней, Оля и Лида сидели, боясь пошевельнуться.

Соловей перестал петь.

Оля собрала остатки еды и обрывки бумаги и бросила под куст.

Лида завернула в газету яичные скорлупки и хлебные крошки и положила кулёк в сумку.

— Зачем ты берёшь с собой мусор? — спросила Оля. — Брось под куст. Ведь мы в лесу. Никто не увидит.

— Стыдно... перед соловушкой, — тихо ответила Лида.

КЕМ БЫТЬ?

И. ТОКМАКОВА

Прядильщица Галина Антонова работает на камвольном комбинате в городе Иванове. Галина Антонова — ударник коммунистического труда.

Из чего сделана наша одежда? Из тканей. А сами ткани из чего? Присмотритесь внимательно. Ткань состоит из тесно переплетённых между собою нитей. А нити откуда? Нити прядут на машинах из текстильных волокон, натуральных и искусственных.

Одна прядильщица работает сразу на нескольких машинах. Мы сейчас и забыли старинное слово «пряха», когда женщина руками сучила нить, навивая её на одно-единственное веретено.

У каждой прядильной машины веретён сейчас до пятисот.

А прядильщица может за минуту напрясть столько, сколько пряха и за месяц сделать не могла.

Да, умные у нас машины. Но сами без рабочих рук прясть они всё-таки не могут.

Ходит по цеху между рядами прядильщица, напряжённо следит за их работой. Не так лёгок её труд. Нелёгок, да необходим. Необходим и радостен.

Ведь недаром, когда у людей праздник, они любят надевать новую одежду — праздник от этого становится ещё светлее.

Фото Г. ДУБИНСКОГО

Сергей ВОРОНИН

В одной деревне жил удивительный мальчик. Звали его Лёсик. Он умел здорово подражать голосам птиц и зверей. Заберётся в огород, спрячется в кусты, чтобы его никто не видал, и начнёт кудахтать, как курица.

«Куд-куд-кудах-тах-тах! Куд-куд-кудах-тах-тах!»

Даже петух не мог отличить кудахтанье своей курицы от голоса Лёсика. Взлетит на забор — и ну кукарекать, радостно, громко, чтобы все знали, что курица снесла яйцо. А Лёсик лежит в кустах и смеётся, как это он ловко петуха обманул. Бабушка услышит, как курица кудахчет, выбежит на двор и заахает:

— Ну что это такое, опять курица снесла яйцо не в сарае, а в огороде... И что она туда повадилась.

И идёт искать. Ищет, ищет и, конечно, ничего не найдёт. Яйца-то ведь нет. А Лёсик ещё пуще смеётся, рот закрывает ладошкой, чтобы бабушка не услышала.

А то другой раз залезет на дерево и ну мяукать:

«Мяу-мяу-мяу!»

И со всей деревни бегут к нему коты. Рыжие, серые, чёрные, белые, пушистые, гладкие. Все-все, сколько есть. Котов сто прибежит, не меньше.

— Да что это такое? — всплеснёт руками бабушка. — Дед! Дед, бери палку, гони их!

Дедушка носится с палкой, бабушка с метлой, гонят котов со двора, а Лёсик сидит на дереве, от смеха чуть не падает.

Ну это он так занимался, пока был ещё маленьким. А как подрос, стал в лес бегать. Выследит, кто куда за грибами пошёл, спрячется в малиннике и завоет по-волчьи:

«У-у! Уо-уо! Уууууу! Оооооо! У-у!»

И все, сколько есть грибников, так перепугаются, что даже корзины побросают от страха — и бегом из лесу. Осо-

бенно пугались женщины. А Лёсик хохочет, так хохочет, что у него слёзы из глаз льются.

Так вот он пошучивал и однажды до того дошутился, что на его волчий вой пришёл самый настоящий волк. Был он, как водится, серый, с громадными зубами и высунутым красным языком.

— Ты чего меня звал? — прорычал он.

— Я не звал, — затрясся от страха Лёсик.

— Если б не звал, я бы не пришёл. Так зачем меня звал?

— Я не звал, я просто так...

— Ах, ты просто так? Ты оторвал меня от очень важного дела. Я гнался за зайцем, но услыхал, что ты зовёшь, и прибежал сюда. А ты, оказывается, дурака валял.

— Извините, пожалуйста, — попросил Лёсик.

— Что это такое «извините»? Я не знаю такого слова.

— Это значит — простите.

— «Простите»? Тоже не знаю.

— Ну, тогда, как бы вам объяснить...

— А зачем мне объяснять? Я съем тебя, и весь разговор, и никаких объяснений не потребуется. — И волк открыл пошире свою пасть, чтобы удобнее было есть Лёсика. — Впрочем, — сказал он, — тебя я всегда успею съесть. А ты коли умеешь передразнивать всех птиц и зверей, то позови сейчас же сюда овцу.

Лёсик обрадовался, что волк не будет его есть, и что было силы заблеял. «Беееe-беееее-беееее-беееее!»

Не прошло и пяти минут, как из стада прибежала овца. Лёсик поглядел на неё и узнал. Совсем ещё маленьким ягнёнком подарили её Лёсику дедушка и бабушка.

— Послушайте, волк, не ешьте её. Это моя любимая овечка. Я вам другую позову, — чуть не плача, попросил Лёсик.

— Ладно подожду, хотя очень хочу есть. Но ты взамен одной двух позови сюда. Да побыстрее!

«Бееееее! Бееееее! Бееееее! Бееееее!» — что есть силы заблеял Лёсик, и тут же прибежали две овцы.

Лёсик поглядел на них и узнал, что эти овцы были тоже с его двора: одна мамина, а другая бабушкина.

— Послушайте, волк, не ешьте этих овечек. Я вам других позову, — попросил Лёсик.

— Некогда мне ждать! — оскалил зубы волк, схватил одну овцу за шею и тут же её съел. И другую овцу тоже съел.

— А ты молодец, ты хороших овечек пригнал ко мне. Теперь будешь всё время кормить меня! А сейчас я лягу спать, а ты сиди тут и не вздумай убежать. Поймаю, съем! — И волк улёгся спать.

«Что же делать? — подумал Лёсик. — Так он всех овец съест. А потом и мою любимую овечку съест. А потом и меня. Тут надо что-то придумать. Надо позвать сюда собак!»

И Лёсик залаял. Залаял так, что весь лес наполнился лаем. Волк вскочил и, даже не взглянув на Лёсика, сорвался с места — и только его и видели. И вовремя, потому что тут же со всей деревни прибежали собаки и понеслись вслед за волком.

И неизвестно, догнали его или нет. Может, и догнали.

Только с того дня ни разу никто волка в нашем лесу не видел. Но с того дня и Лёсик перестал пугать людей и сбивать с толку птиц и зверей.

И если уж очень-очень попросить его, чтобы он кого-нибудь передразнил, то он передразнит ну там курицу или котёнка, но чтобы волка — ни за что! Тут, сколько его ни просите, не станет выть. Наверно, боится.

Рис. Л. ТОКМАКОВА

Садко

Вышел к Садко сам Водяной

Жил в богатом Новгороде добрый молодец по имени Садко, а по-уличному прозывался Садко-гусляр.

Жил бобылём, с хлеба на квас перебивался — ни двора, ни кола. Только гусли, звонкие, яровчатые, да талант гусляра-певца и достались ему в наследство от родителей. А слава о нём рекой катилась по всему Великому Новгороду. Недаром звали Садка и в боярские терема златоверхие, и в купеческие хоромы белокаменные на пирах играть, гостей потешать. Заиграет он, заведёт напев — все бояре знатные, все купцы первостатейные слушают гусляра, не наслушаются. Тем молодец и жил, что по пирам ходил.

Но вот вышло так: день и два Садка на пир не зовут и на третий день не зовут, не кличут. Горько и обидно ему показалось.

Взял Садко свои гусельцы яровчатые, пошёл к Ильмень-озеру. Сел на берегу на синь-горюч камень и ударил в струны звонкие, завёл напев переливчатый. Играл на берегу с утра весь день до вечера.

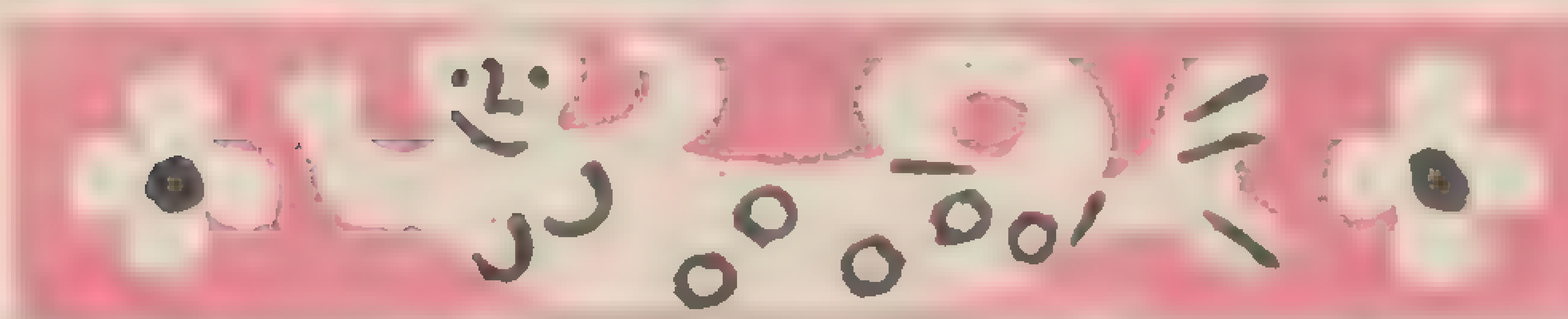
А на закате красного солнышка взволновалось Ильмень-озеро. Поднялась волна, как высокая гора, вода с песком смешалась, и вышел на берег сам Водяной — хозяин Ильмень-озера...

Так начинается былина о Садко в пересказе А. Нечаева.

А что произошло дальше, можно узнать из книги «Садко», вышедшей в издательстве «Малыш».

Рис. В. ПЕРЦОВА

Проснулся Садко на родной земле

Стал Садко самым богатым купцом в Новгороде
Жил в богатом Новгороде добрый молодец по имени Садко
Очутился Садко на дне морском

МИШКА-МУЗЫКАНТ

Михаил ГЛАЗКОВ

Рис. Н. УСТИНОВА

Пограничная застава.
Кедры.
Сопки.
Тишина.
Время за полночь.
Казарма
В сон давно погружена.

Над тайгой — луна в дозоре,
В небе — звёзды, как пшено.
Да окошко в караулке
Изнутри освещено.

Да не дремлют часовые —
Чутко ухо, зорок глаз...
Вдруг с соседнею заставой
Прервалась прямая связь.

Где-то провод телефонный
Оборвали.
Неспроста!
Неужели враг прокрался
Мимо нашего поста?

По тропе, по склону сопки,
Где столбы шагают в ряд,
В ночь уходит по тревоге
Пограничников отряд.

Автоматы наготове,
Взведены у всех курки.
Впереди нетерпеливо
Рвут овчарки поводки.

На четвёртом километре
— Стой! — командует сержант.

Видят: провода обрывки
У тропы в траве лежат.

А вверху, неподалёку,
Чуть ли не над головой,
На столбе на телефонном —
Кто-то в шубе меховой.

Непонятным делом занят,
Грузноват, силён на вид.
Диверсант? Но почему ж он
Скрыться в сопки не спешит?
И, глазам своим не веря,
Пред собою видят зверя.
„Ой, от смеха умереть:
Нарушитель-то — медведь!“

Затаились.
Смотрят: мишка
Лапой шмяк по проводам
И к столбу тотчас же ухом,
Словно к звончатым ладам.

Провода гудят, как струны,
Зверь внимает не дыша.
До чего ж, видать, у мишки
Музыкальная душа!

Ну, проказник косолапый,
Закругляй-ка свой концерт!
И бабахнул, грянул в воздух
Неожиданный дуплет.

Рявкнул мишка от испуга
И с такой-то высоты
Прямо кубарем на мшаник,
Отряхнулся — и в кусты.
— Эй, ату его! Ату-у! —
Раскатилось на версту.

...Звёзды на небе тускнеют,
Покидает пост луна.
Пограничная застава.
Кедры. Сопки. Тишина.

БЕРЛИН — ГОРОД ФЕСТИВАЛЯ

Город Берлин, столица Германской Демократической Республики, ждёт в эти дни гостей со всего света. Они уже в дороге — плывут на теплоходах, летят в самолётах, едут в поездах. 28 июля в Берлине начнётся X Всемирный фестиваль молодёжи и студентов.

Фестиваль — это праздник. С музыкой, танцами, фейерверками. Но это и смотр сил молодых борцов за мир, за дружбу народов, против войн, которые ведут империалисты, против угнетения трудящихся капиталистами.

Центральная магистраль города — Карл-Маркс-аллее.

Берлинцы — взрослые и дети — принарядили свой город. И всюду видна эмблема фестиваля — цветок с пятью разноцветными лепестками — символ дружбы народов всех рас.

Мы с тобой, дорогой друг, сделаем короткое путешествие по городу, посмотрим то, что увидят на его улицах делегаты фестиваля.

Со всех концов Берлина видна телевизионная башня, даже ночью видна — вся она обрамлена разноцветными огнями. В центре города бьют прохладные фонтаны. Если встать около них, увидишь прямую, широкую Карл-Маркс-аллее. Памятник Владимиру Ильичу Ленину стоит на площади Ленина. В большом парке среди берёз — памятник советскому воину—освободителю германского народа от фашизма. В праздничные дни горы цветов бу-

Площадь имени Ленина.

Телевизионная башня и фасад универмага «Центрум».

дут у этих памятников. Их принесут и участники фестиваля, и сами берлинцы. Задержимся у новой гостиницы, где останавливаются люди, прилетевшие в Берлин на самолётах. Постоим и около медведя. Может быть, нам повезёт, и мы увидим, как мишка будет качаться на бочке. Три медведя живут прямо на улице, отгороженные от людей рвом и стенкой.

Медведь изображён на городском гербе, он символ Берлина.

Совсем немного мы посмотрели Берлин. Чтобы лучше узнать город наших друзей, смотри телевизионные передачи, которые будут в конце июля и начале августа. Тогда ты увидишь и фестиваль.

Рис. В. ДМИТРЮКА

Памятник советскому воину-освободителю в Трептов-парке.

Этот мишка живёт в центре города.

Гостиница для туристов.

ИСТОРИЯ С МАКАРОНАМИ

Е. КУЗЬМИНА *Рис. Н. УСТИНОВА*

На улице прошёл дождь. Было пасмурно и холодно. Совсем как осенью. Но, так как наступил апрель и была весна, мама пустила меня гулять.

Накануне папа вернулся из командировки, привёз мне много красивых нарядов. Мама не хотела меня в них одевать, так как было грязно. Но папа сказал, что тряпки жалеть нечего:

— Лёлька быстро растёт, и скоро ей всё будет мало. Пусть похвастается...

На меня надели бархатное пальто, совсем синее. Большой белый кружевной воротник. Белый капор с помпошками, белые гамаши и блестящие галоши.

Я пошла к моей подруге Наде. Надя долго смотрела на меня. А я всё время вертелась, чтоб она меня видела со всех сторон.

Надина мама хорошо шила сама, и потому Надя всегда была нарядная. Про меня, когда мы ссорились, Надя говорила: «Ты некрасивая — и молчи...» В этот раз она ничего не могла сказать, а просто повела меня к своей маме.

Надина мама стала тоже меня рассматривать. А потом сказала, чтоб я разделась; у них было жарко. Я раздеваться не захотела, ведь на мне было старое платье, все перестали бы смотреть на меня. Я сказала, что пойду на улицу, и тут я вдруг увидела в углу пакет с макаронами.

— А вы дадите нам по макаронине?

— А зачем вам?

— Играть...

— Странная игра... Ну ладно, берите по одной.

Какие это были удивительные макароны! Длинные. Толстые!

У Нади был большой двор, покрытый лужами. Мы решили бурлить в лужах через макароны. Выбрали самую маленькую лужу, опустили туда макароны и стали дуть. Получались пузыри, толстые и блестящие. Когда они лопались, выскакивали кусочки грязи и шлёпались обратно в лужу.

Мы увлеклись и не заметили, как очутились в середине глубокой лужи. В галошах хлюпала вода, мои белые гамаши стали совсем серыми, но я этого не замечала. Потом мы перешли к арыку. Воды в арыке было всего на донышке, а в ней много тины. Пузыри тут должны были получаться замечательные.

Надя была такая девочка, которая в самом интересном месте могла сказать:

— Чур, я не играю...

Так она сказала и теперь. Отдала мне свой кусок макаронины и стала на меня смотреть. Я легла на живот, как раз достала до воды и стала дуть.

До чего же были красивые пузыри!

Наде пузыри тоже понравились, она смеялась, хлопала в ладошки. Надя была старше меня, а мне всегда нравилось, когда взрослые довольны. Я старалась изо всех сил.

Макаронина всё больше намокала и обламывалась, мне пришлось сползти ещё ниже.

Вдруг Надя перестала смеяться и сказала, что я сейчас утону. Мне стало страшно, но я не могла удержаться, и мой белый капор с помпошками воткнулся в зелёную, пахнущую лягушками тину. В это время во двор вышла Надина мама, и Надя ей крикнула:

— Мама, смотри, Лёлька утопла...

Надина мама вытащила меня, а то я и взаправду бы утонула, так как тина забралась мне уже в рот и нос.

Когда меня поставили на ноги и я хорошенько прочихалась, Надя и её мама стали жалеть мою маму за то, что капор стал зелёным, тина налипла на воротник и текла по пальто.

Подошла соседка, тоже начала вздыхать, высчитывать, сколько всё это стоит, и ещё сказала, что очень жаль, что я совсем не утопла, а то такие дети, как я, ничего своим матерям, кроме горя, не доставляют.

Я заплакала и сказала Надьке, что я с ней, чур, в ссоре, так как она во всём виновата, потому что макароны её. А Надя ответила, что если б она была виновата, то она бы и утопла.

Я пошла к дому, но идти было страшно. Что-то мне будет!

Мама, когда увидела меня, села на стул и ничего не могла сказать. На глазах у неё даже показались слёзы. Мне стало её жалко, и я сказала, что я утонула и меня еле вытащили. Мама схватилась за голову. Не знаю, чем бы это всё кончилось, если бы не вошёл папа.

— Не огорчайся, — утешил он маму, — ей самой хуже... У неё не будет теперь красивых вещей.

А мне он сказал, что очень хотел бы меня поцеловать, но он этого не сделает, так как ему противно целовать зелёных девочек.

А потом меня мама купала и так намыливала, что папа сказал, что меня стирают, как бельё. Но я молчала и не плакала, хотя мыло попало в глаз.

ЛЕСОПИЛКА

Г. ЛАДОНЩИКОВ

И звонка и весела
Циркулярная пила.
Как по струнке,
Ровно
Разрезает брёвна.

Слева грудой горбыли
Суковатые легли,
Справа кипой плоские
Сахарные доски.
Я к пиле не подхожу,
Только издали гляжу
Да из лесопилки
Выношу опилки.
Бело-розовый сугроб,
Что под клёном я нагрёб,
Вкусно пахнет смолкой,
И сосной, и ёлкой.

Рис. А. ДОБРИЦЫНА

В ОГОРОДЕ ЧУДЕСА

Виктор АСТАФЬЕВ

Жил-был мальчик в одной далёкой северной деревушке, которая тянулась вдоль большой и быстрой реки. Лето здесь короткое, а зима длинная, морозная, и потому все люди, особенно дети, нетерпеливо ждали весну, тепла и солнца ждали.

Дом мальчика стоял над самой рекою, на крутом яру, и за ним был огород, городьбою подступающий к самому лесу. Посреди огородной межи стояла чёрная от копоти баня, а за нею дерево с чёрным стволом — черёмуха, весной она зацветала и делалась похожей на белое облако.

Когда подсыхала земля, дед начинал пахать огород, и там, где проходил плуг, земля становилась как шуба, вывернутая тёмной овчиной наружу, а не тронутая ещё плугом половина огорода серела плесенью, оставшейся от снега. Все птицы: скворцы, мухоловки, трясогузки, галки, вороны — слетались на огород и кормились червями и козявками, выпаханными из земли, а мальчик ходил по борозде вслед за плугом и ждал, когда начнут боронить огород и посадят его на лошадь.

Огурец-удалец

Родная сторона мальчика хоть и суровая, но земля здесь была мягкая, чёрная, и в ней хорошо росли овощи, рожь, овёс и пшеница.

Но солнца и тепла всё же не всегда хватало растениям, поэтому под особо прихотливый овощ, такой, как огурцы, делались «тёплые» гряды. Ворочали навоза почти в пояс высотой. Лунки выгребали такие, что чернозёма в них входила телега.

В согретой земле напревали серенькие грибки и тут же мёрли. Выступал накрап травы в борозде и в лунках, крались повилика и мышиный горох, и в душу бабки начинали закрадываться сомнения: всхожее ли семя было? Не плесневелое ли? Не заговорённое ли шептуном каким, не озёванное ли колдунами заезжими?

Но вот в одном-другом чёрном глазку лунки узким кошачьим зрачком прорезалось что-то. Привыкая к свету, примериваясь к климату, зрачок расширялся и не сразу, не вдруг обнаруживал два пробных, зеленовато-бледных листика. Насторожённые, готовые запахнуться от любого испуга, они берегли в глубине мягкую почку огуречной плоти, робкий зародыш будущего растения. Собравшись с духом, живая ракушка наконец выпускала на волю шершавенький листик. Он тоже обвыкал к свету, тоже недоверчиво принюхивался к свету, к лету, зябко ёжась и цепенея от ночной изморози.

Нет, не закоченел огуречный росток, удержался, и пошли лист за листом, лист за листом, вытягиваясь по зелёной бечёвке из мрака навозных недр. Молодые усы браво завиваются на концах бечёвки; листья сползают в борозды, переплетаются, лезут друг на дружку, и, как всегда, неожиданно засветится в одной из лунок жёлтенький цветочек, словно огонёк бакена средь широкой реки.

Первая искорка, первый вестник лета, он чаще всего пустоцветом являлся и быстро опадал, как бы указав дорогу цветам более стойким, способным не только сиять, но и плодоносить.

Скоро в зелёном укрытии обнаружится ловко затаившийся огурчик, пупыристый, ребристый. Сияет белое рыльце огурца, зябкие прыщи, морщины выровнялись, огурец налился соком, заблестел, и тесно ему стало под листьями. Вывалился он, молодой, упругий, на гряду, блестит маслено, да ещё в борозду укатиться норовит, баловень этакий!

Лежит огурец-удалец, светится, а семейство ревниво следит друг за дружкой, особенно за мальчиком, чтобы не снял он огурец, не схрумкал его в одиночку. Съесть огурец хочется каждому. Особенно тяжело терпеть мальчику. Огурца ему попробовать хотелось, и он всё чаще заходил в огород, раздвигал руками резные цепкие листы, смотрел, как огурец-бродяга нежится в зелёном укрытии, и глотал слюнки.

Но стерпел мальчик. Из взрослых тоже никто не обзарился, не сорвал огурец. Сняла его бабка и бережно, как цыплёнка, принесла в руках. Всем внучатам отрезала бабка по огуречному пластику — нюхать и разговеться, да ещё и в окрошку для запаху половинку огурца искрошила.

Знаете ли вы, люди добрые, что такое окрошка с первым огурцом?

Нет в летнюю пору еды вкуснее деревенской окрошки, сделанной на ядрёном хлебном квасу, да ещё к тому же с огурцом!

Бабкины причуды

Бабка мальчика выдумщицей была и всё норовила в огороде чего-нибудь новое посадить, чтобы себя и людей подивить.

Как-то из города с рынка семечки привезла чудные: одно плоское, сердечком, на огуречное похожее, но гораздо больших размеров.

Посадила бабка то семечко на самом конце гряды за баней и, поскольку не верила в его полезные свойства, забыла про него.

Другое се́мя, похожее на выпавший дедушкин зуб, коричневый от табаку и твёрдости костяной, бабка размочила вместе с бобами и воткнула меж луковиц.

Долго ничего не появлялось из земли. Сорная трава расселилась по всему огороду. Людское и ребячье наказанье — эта трава. Поли её, проклятую, ломай всё лето поясницу, отсиживай ноги, истязай и жаль о крапиву руки до трещин. А тут ещё мошка, комары со слепнями поедом едят.

Полол однажды мальчик луковую гряду (морковную и другие гряды с мелкоростом ему всё ещё не доверяли), лук можно, лук хорошо различается. Полол он, полол, ноя под нос тягучую песню, отмахиваясь грязными руками от мошкары да звенящей рыжей осы, и внезапно пальцы его ухватили непривычное для рук, крепкое растение, упругой щепотью пропоровшее землю. Приглядевшись, мальчик сообразил: взошло оно — семя, бабушкой посаженное! Не верилось, что из такого твёрдого семечка чего-нибудь получится, что есть в его костяной серёдке живинка, способная прорасти, а оно вот воспрянуло и проросло!

Как мальчик ухаживал за тем растением! А оно, радуясь заботе, поливке и чёрной земле, высвобожденной от сорняков, пёрло без устали вверх, опуская одно за другим ремённые листья. «Ух ты, матушки мои!» — захлёбываясь восторгом созидателя, говорил мальчик и мерился с загадочным созданием природы, норовившим обогнать его в росте.

Благоговейно притих мальчик, когда обнаружилась в пазухе длинных листьев куколка, завёрнутая в зелень пелёнок. За ней другая, третья. Детёнышам холодно было северными ночами, они изморозью покрывались, но всё же пересилили природные невзгоды, и чубчик, белый-белый у каждой куколки, из-под одёжек выпрыснулся.

«Ух ты, батюшки мои!» — повергнутый в совершенное уж потрясение, прошептал мальчик. Не выдержав искушения, он расковырял плёнку на одном детёныше и обнаружил ряды белых, одно к одному притиснувшихся зёрен. Зажмурившись, куснул зёрна мальчик, и рот его наполнился сладким терпким молоком.

Об этаком диве он не мог не поведать людям. Люди — соседские парнишки — слопали дитёнков вместе с белыми чубчиками, вместе с хрусткой палочкой, заключённой в серёдку сладкой штуковины.

Позднее, когда в школу пошли, узнали ребята из книжек, что растение то называется кукурузой и что палочки, заключённые в початках, не едят, а топят ими печки в южных краях. Там много кукурузы растёт, а тайги нет и с дровами дело обстоит плохо.

Из второго семечка-сердечка, посаженного бабушкой за банею, вовсе уж чудо какое-то вылупилось. Широкие листья на толстой мохнатой верёвке, и среди них громадные, невиданные в северном краю цветы с оранжевым ртом. Зелёной змеёй поползло то растение в крапиву, затем на городьбу, по углу бани и на крышу! И куда бы оно долезло, неизвестно, да тут лето кончилось, ударил первый звонкий утренник. Разом унялась, обмякла диковина, цветы её смялись, верёвка мохнатого стебля сделалась студенистой, шершавые листья обратились в бросовое тряпьё.

Но какое удивление, какой восторг охватил малый да и взрослый народ, когда в глубокой борозде объявился желтопузый плод в банный котёл величиною! Нечаянно мальчик нашёл в крапиве ещё два плода. Сгрёб мальчик под мышки кругляки эти, домой доставил, будто счастливый золотоискатель самородки. Самой уж поздней осенью, когда пала на меже дурнина, за огородом, почти в самом логу открылся ещё один шар, но всё нутро его выклевали пронырливые курицы.

С тех пор и до сего дня буйствуют в родном огороде мальчика и по всем огородам села тыквы, которым и мальчик, и бабка когда-то нарадоваться не могли. Бабка говорила, что молиться надобно на неведомого базарного человека, который ей такое редкостное семя продал. «Пусть растёт! Путь фулюганит!..» — кричала бабка, одаривая односельчан семенами буйного плода, и не знала она, как выручит в войну односельчан тыквенная каша. Детям её, и своим, и эвакуированным, вместо лакомства давали; больных и раненых солдат на ноги поднимала тыквенная каша, варенная на молоке. Да и посейчас нет-нет и купят на базаре тыкву и заварганят в трудовой семье мальчика — для разнообразия стола — кашу с молочком и пшёнкой. За трапезой бабку вспомянут: «Легка рука у человека на овощ была!..» Недаром же сеяницей её прозвали и вёснами наперебой тащили селяне бабку к себе — садить и сеять особо капризный овощ — бабка ведала, кого с кем мирить в огороде, потому как средь растений, будто средь людей, попадаются такие, которые друг с дружкой не уживаются, и следует точно определить: кого порознь селить, а кого — вместе.

Рис. В. ДУВИДОВА

СОЛНЫШКО

Гайда ЛАГЗДЫНЬ

Солнышко, солнышко,
Погуляй у речки,
Солнышко, солнышко,
Раскидай колечки!
Мы колечки соберём,
Золочёные возьмём,
Покатаем,
Поиграем
И тебе назад вернём!

Рис. М. РЕБИНДЕР

ЖАВОРОНОК

Петрусь БРОВКА

Мне люб ты,
Жаворонок звонкий,
Ценю тебя за простоту.

В самой земле
Твоя хатёнка,
А ты
Взлетаешь в высоту.

И пусть не трелью
Соловьиной
Развеселишь
Ржаную тишь,

Но целый день
В бездонной сини
Ты
Колокольчиком звенишь.

Перевёл с белорусского
Д. КОВАЛЁВ

НАШ КОНКУРС

на лучший рисунок для конфетной обёртки закончился

Мурзилка приветствует победителей: Рано Рахимову, Марину Олдукову, Сашу Ашихмина, Иру Карунную, Елену Немчекову, Нину Белозёрову, Юлю Харитонову, Алёшу Малышева, Лучию Пую, О. Хан, Наташу Химикус, Лену Егорову! Их рисунки жюри пошлёт на конфетные фабрики.

НАШ КОНКУРС

Рис. Рано Рахимовой, Кургантепинский район Узбекской ССР.

Рис. Марины Олдуковой, Москва.

Рис. Саши Ашихмина, г. Свердловск.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Я рад, что на мой конкурс откликнулось так много ребят — 24 тысячи. А рисунков было ещё больше: почти каждый присылал по два-три рисунка. Почтальоны каждый день приносили в редакцию полные сумки, а бывало и так, что привозили на машине целые мешки. Я только успевал разрезать конверты, рассматривать рисунки и передавать жюри. И не успевал отвечать вам. Но зато сейчас всем участникам конкурса я говорю:

— Спасибо за тёплые письма, за яркие и весёлые рисунки.

Мне очень понравилось, что многие ребята принимали участие в конкурсе всем классом, так было в Кургантепинской школе Узбекистана, в детском доме города Плёса Ивановской области, в Кишинёвской художественной школе-интернате имени Щусева.

Рисунки присылали и наши зарубежные друзья — школьники Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики.

Рис. Иры Карунной, г. Солигорск Белорусской ССР.

Рис. Нины Белозёровой, д. Моржово Калининской обл.

Рис. Елены Немчековой, г. Пухов, Чехословакия.

Рис. Юли Харитоновой, Верхатоп Курской обл.

Большинство ребят не только рисовали картинки, но и придумывали названия для конфет. Есть названия серьёзные: «Космос», «Парад», «Зимняя», «Друзья», «Туристическая», «Узоры», а есть и смешные: «Котик усатый», «Лягушата», «Мяу-мяу», «Чебурашка», «Муха Цокотуха», и даже есть такое — «Шайбу! Шайбу!». Видно, тот, кто придумал его, и конфеты любит, и за хоккей «болеет».

Многие ребята предложили назвать конфету «Мурзилка».

Были среди ваших рисунков, ребята, и такие, которые меня огорчили. Вы их перерисовывали из книг или журналов, рисовали карандашом или ручкой на листках из тетрадей.

Мои вам советы. Рисуйте сами, по памяти, придумывайте, фантазируйте, но не перерисовывайте с других рисунков. Рисуйте на плотной бумаге или в альбомах для рисования. Рисуйте акварельными красками. Желаю вам успеха!

МУРЗИЛКА

Рис. О. Хан, ст. Щёлковская Чечено-Ингушской АССР.

Рис. Алёши Малышева, Москва.

Рис. Наташи Химикус, Москва.

Рис. Лучии Пую, г. Кишинёв.

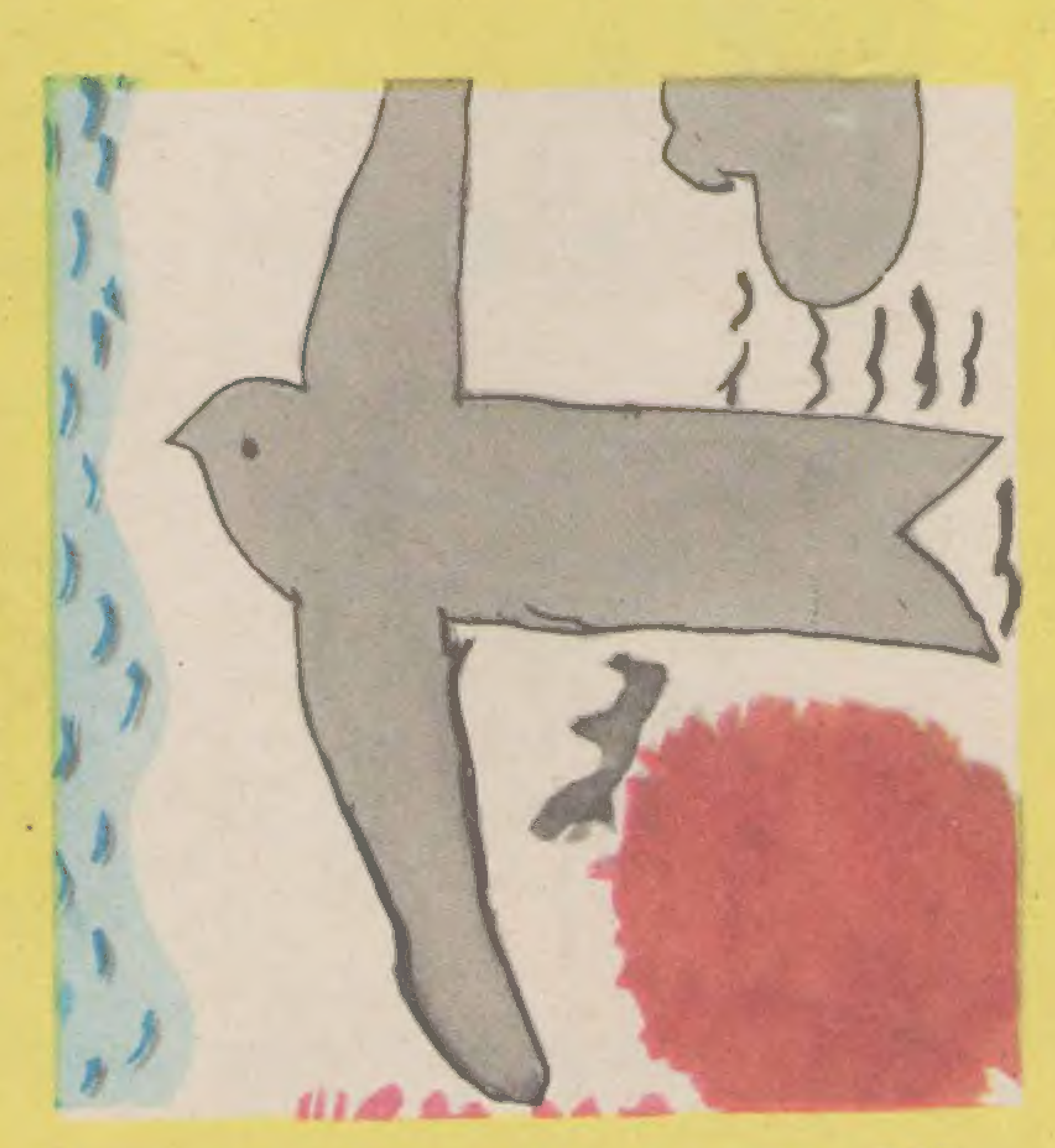
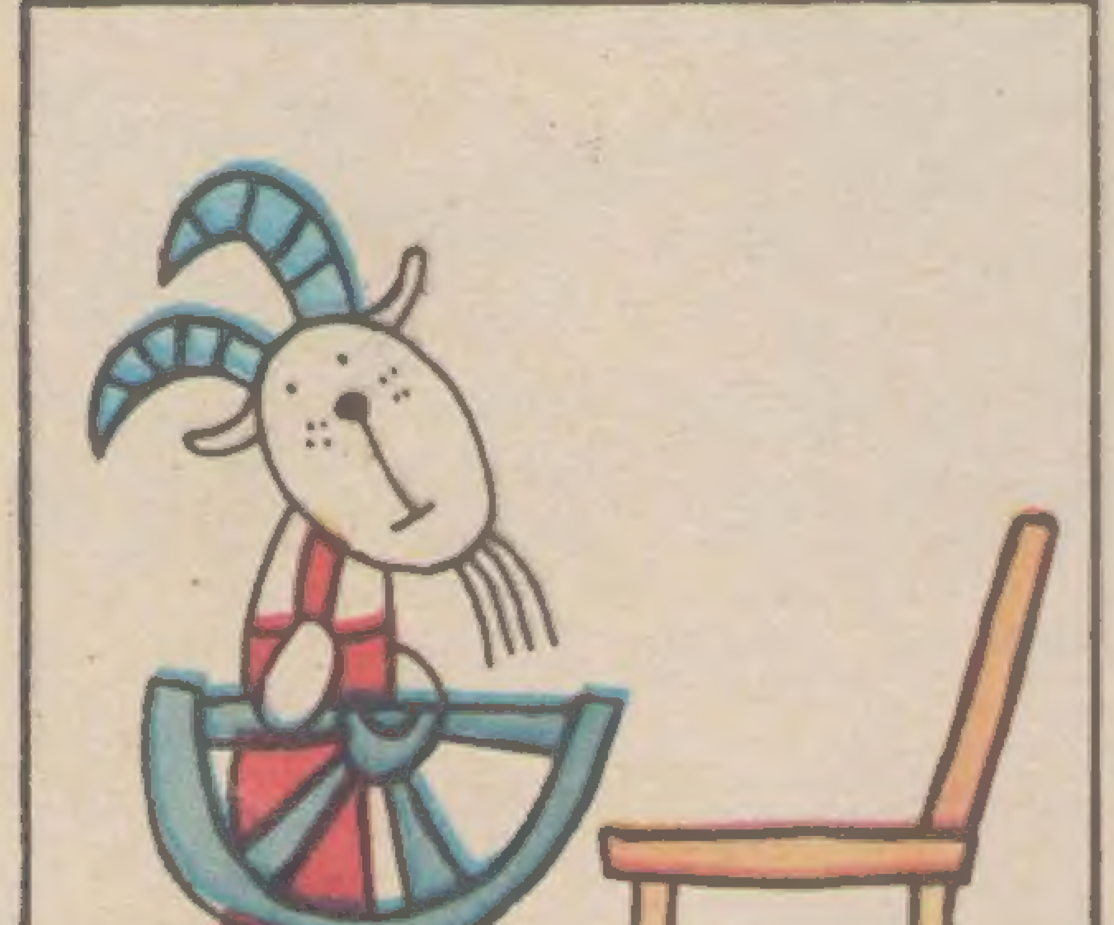

Рис. Лены Егоровой, Узбекская ССР.

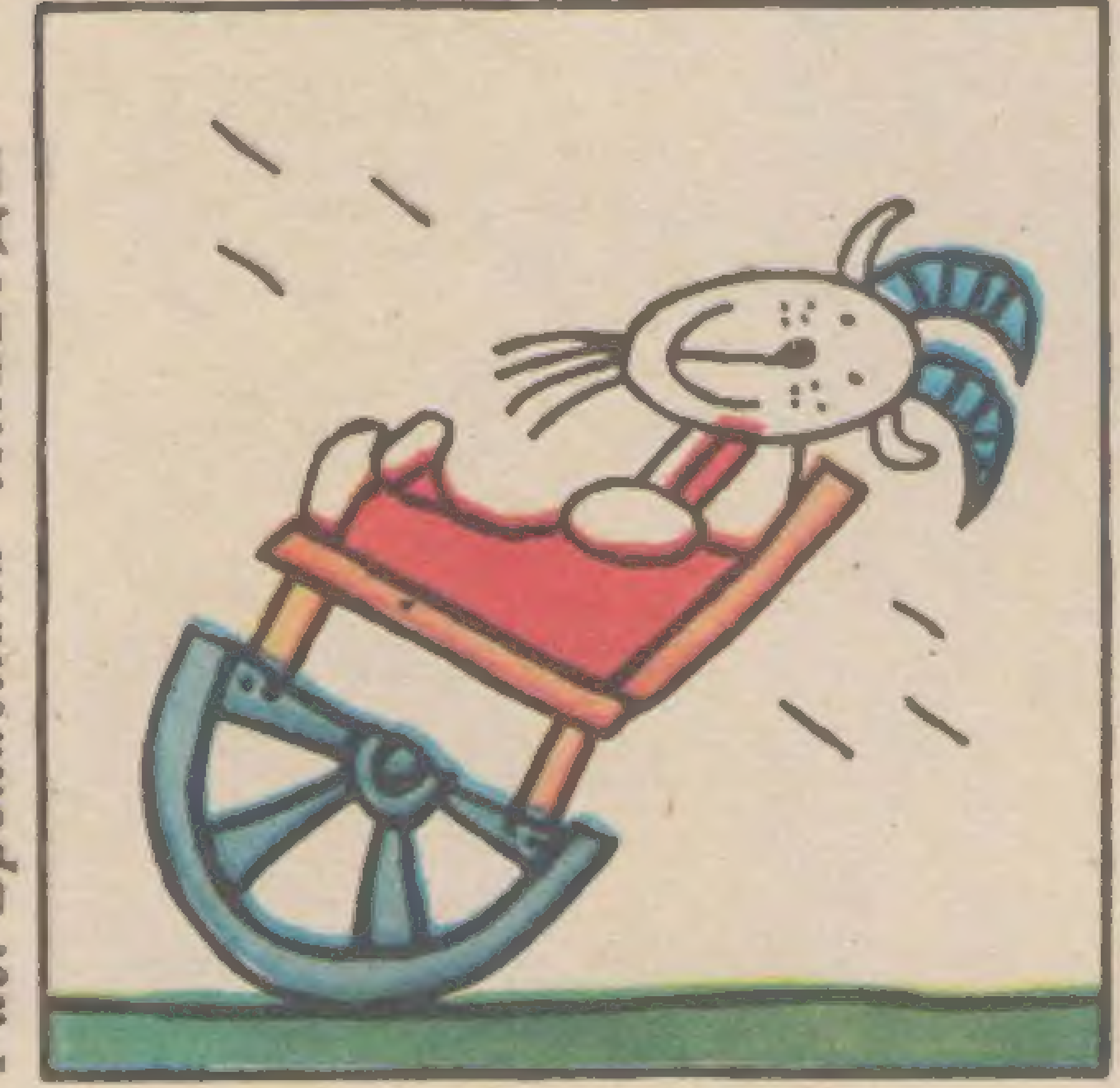
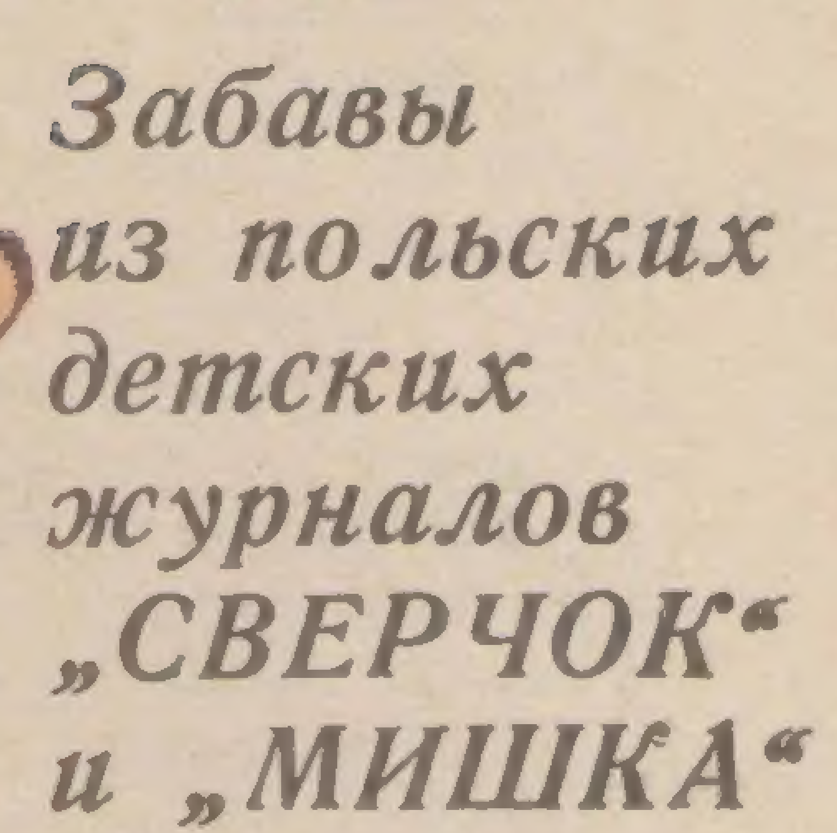

Рис. Бронислава ЛИБЕРДЫ

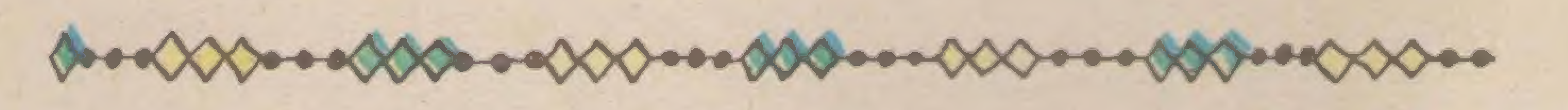
Забавы из польских детских журналов „СВЕРЧОК" и „МИШКА"

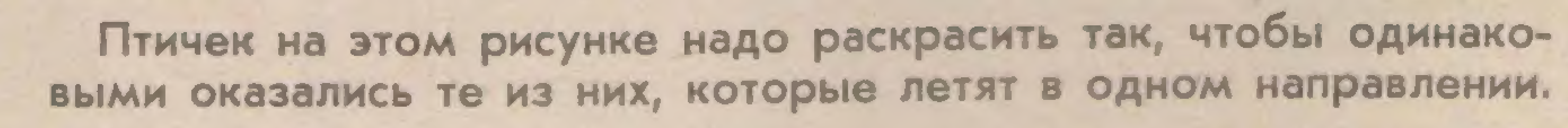

В цветочном магазине продавались красные и жёлтые розы. Томек купил три розы, Блажек — пять. Какого цвета розы купил Томек? И какого цвета — Блажек? Правильно раскрась розы Блажека и розы Томека.

Рис. Г. ЗАКРЖЕВСКОЙ

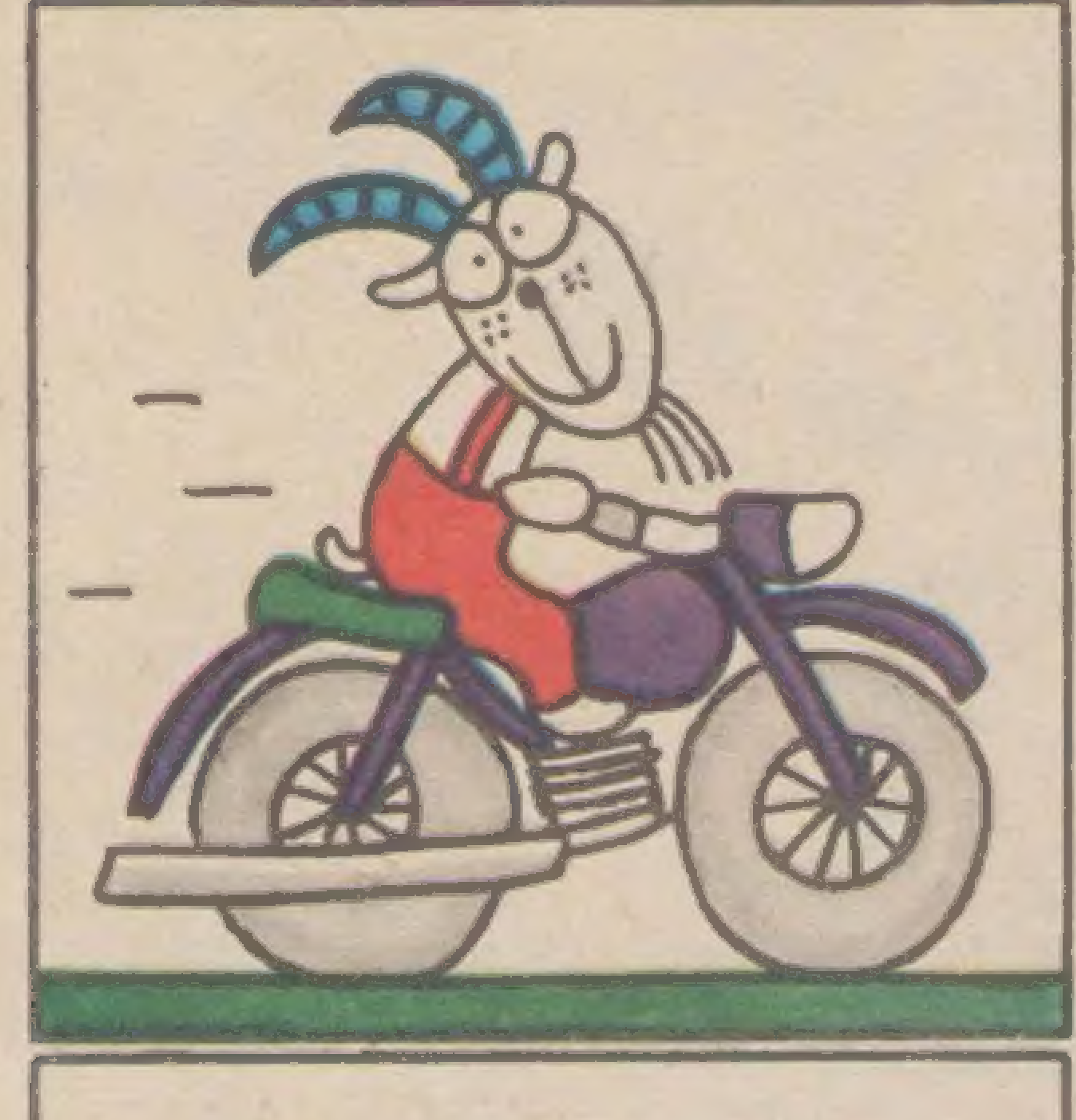

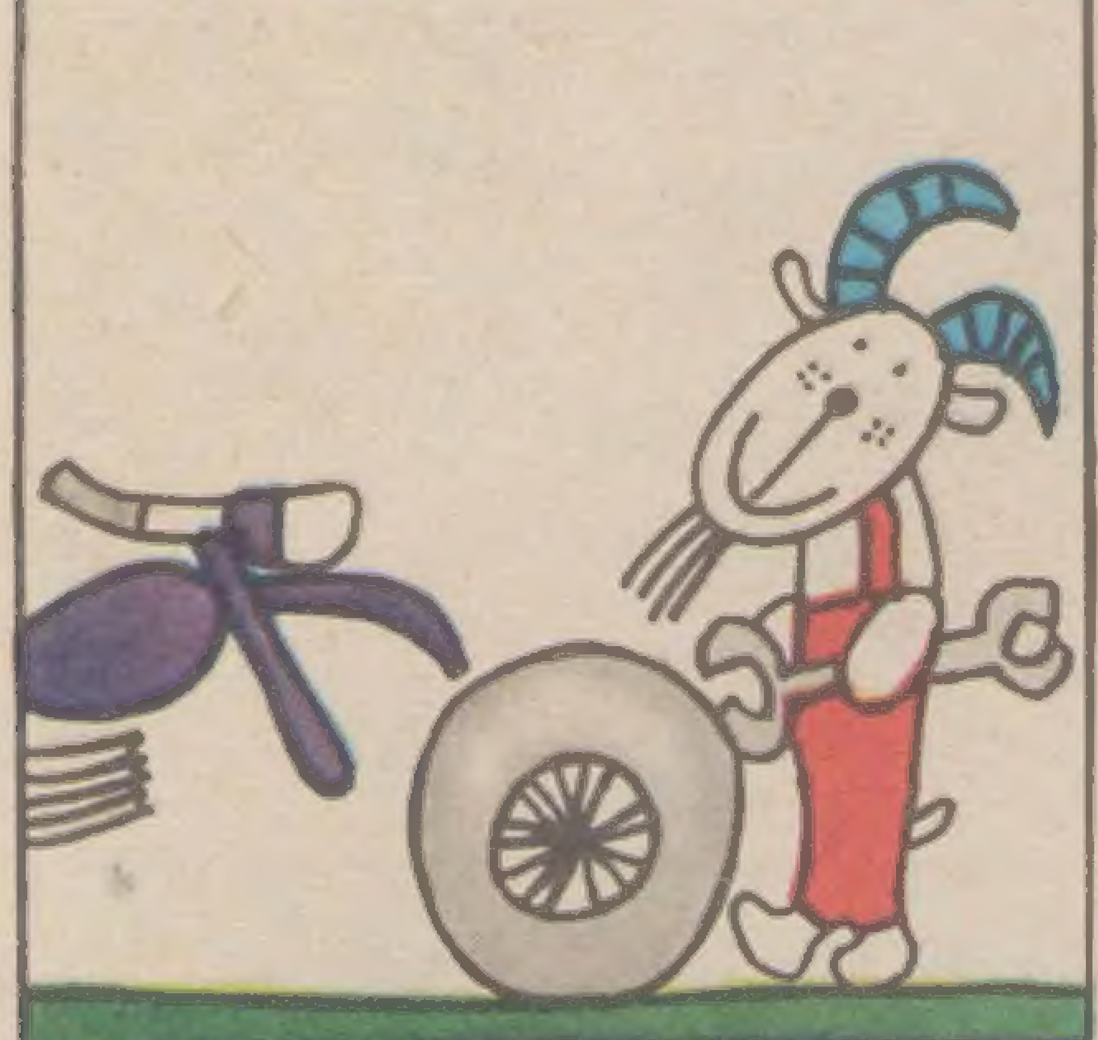

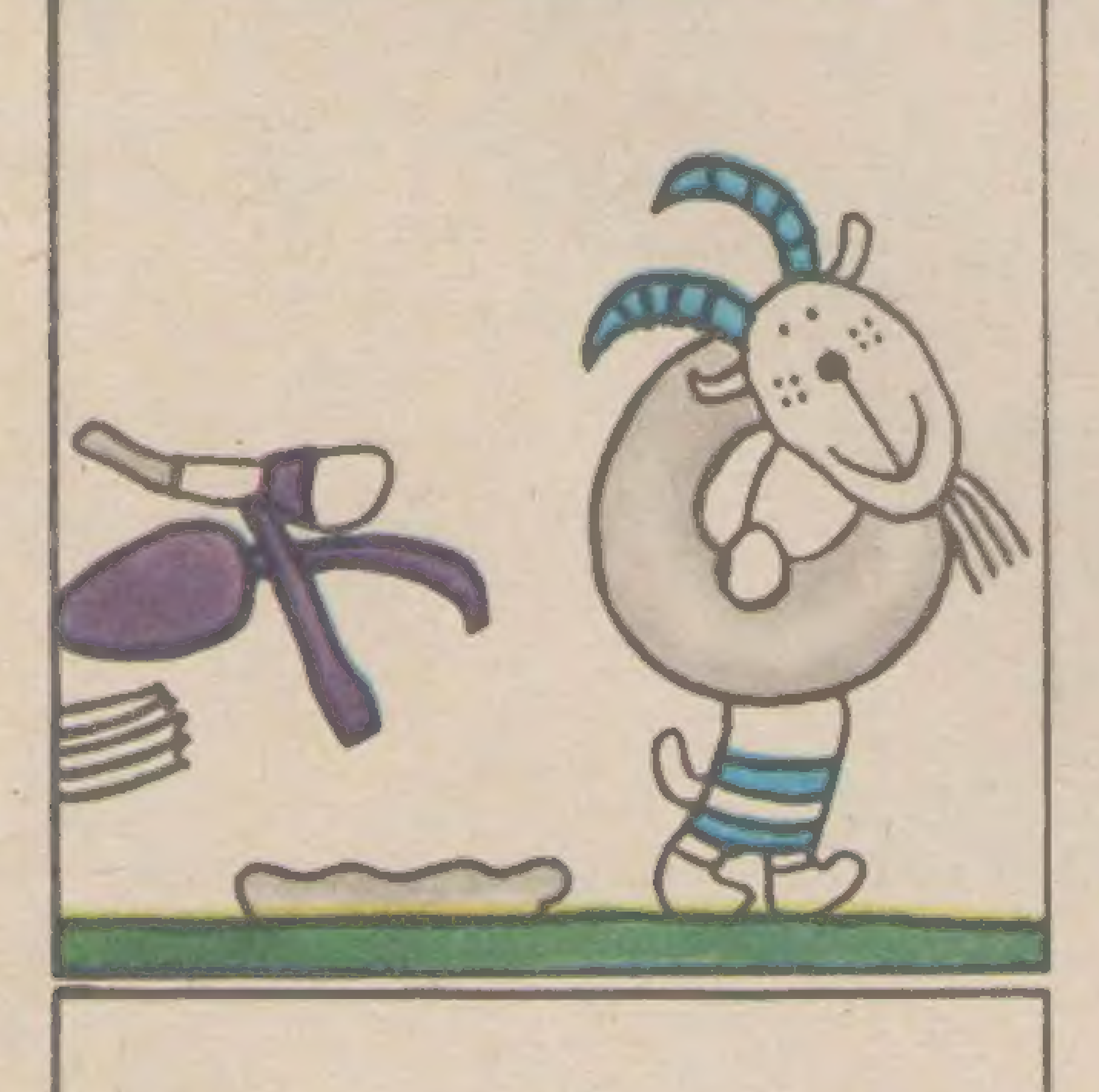
Птичек на этом рисунке надо раскрасить так, чтобы одинаковыми оказались те из них, которые летят в одном направлении.

Рис. Г. КРАЙНИК

Совсем короткие стишки:
Чем непохожи петушки?

Из немецкого школьного юмора

Первого сентября Марта вернулась из школы озабоченная.

— Мне очень понравилась наша учительница, — сказала Марта своей маме, — но я думаю, что она не знает многих простых вещей.

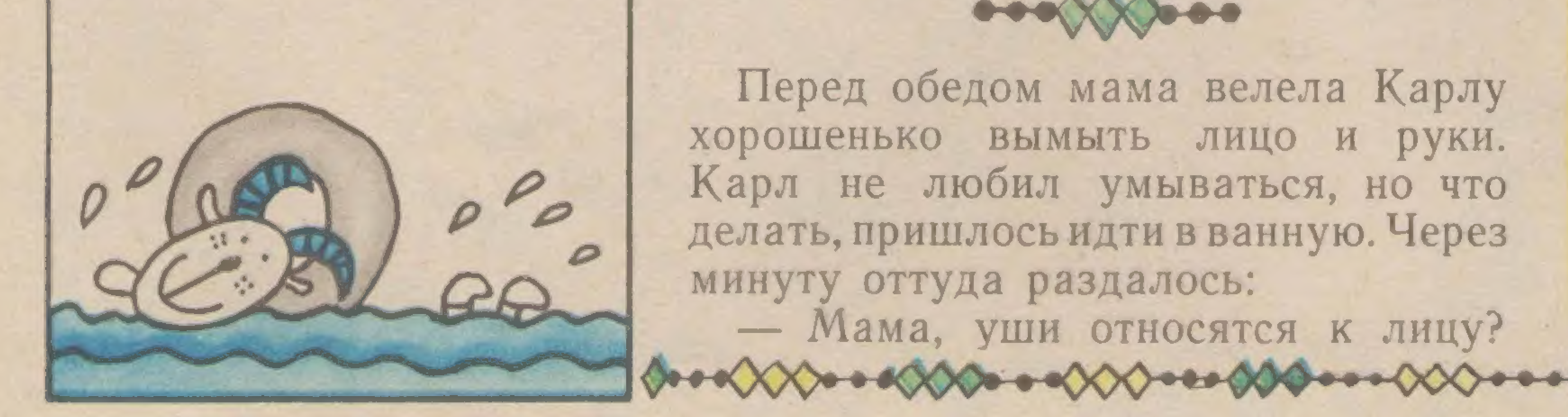
— Почему ты так думаешь?

— Потому что она задала мне очень много вопросов и мне пришлось на все отвечать.

Перед обедом мама велела Карлу хорошенько вымыть лицо и руки. Карл не любил умываться, но что делать, пришлось идти в ванную. Через минуту оттуда раздалось:

— Мама, уши относятся к лицу?

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Редактор
А. Митяев

Редколлегия:

З. Александрова,
С. Алексеев,
А. Барто,
Л. Воронкова,
А. Ермолаев,
Н. Емельянова,
Е. Ершова (зам. редактора),
Ю. Казаков,
М. Коршунов,
Ю. Молоканов,
К. Орлова (ответственный секретарь),
Н. Чеснокова
Е. Рачёв,
В. Чижиков.

Художественный редактор
Г. Макавеева

Технический редактор
В. Агеева

Сдано в набор 15/V 1973 г.
Подписано к печати 31/V 1973 г.
Формат 84×108 1/16.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 600 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 810.

Адрес редакции, издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»:
103030, Москва,
А-30, Сущёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

На обложке рисунок Н. БАСМАНОВОЙ

Рис. В. КУДРЯВЦЕВОЙ

Найди на рисунке девочку, мальчика, собаку, кошку, мячик и бабочку.

Индекс 70553

Цена 10 коп.